

(1)Мне было около двенадцати лет, когда я ослеп от голода. (2)Слепота поразила мои глаза зимой сорок второго года, когда мы с матерью были эвакуированы в Поволжье. (3)К лету сорок второго года зрение вернулось, но я был тогда как костлявый цыплёнок. (4)В июне я отправился в деревню наниматься в колхоз, чтобы подкормиться. (5)В колхоз меня взяли бы охотно, тогда требовалась любая пара рук. (6)Но оплатить работу трудоднями и продуктами могли лишь осенью. (7)А мне нужно было есть уже сейчас, летом. (8)И тогда подсказали мне пойти работать к бабке Анне Смирновой в богатое волжское село Усть-Курдюм. (9)Бабка Анна согласилась взять меня и обещала кормить каждый день два раза, а в воскресенье и трижды. (10)И за это определила она мне дело: доставать воду из колодца и поливать грядки с огурцами.

(11)Усть-Курдюм стоит на горе. (12)Берег к Волге сходит крутой, обрывистый, метров пятьдесят высотой, и колодец во дворе был глубиной поболее пятидесяти метров. (13)А огород у бабки был две тысячи квадратных метров, двадцать соток, и все эти квадратные метры она засадила огурцами. (14)И в то страшное, жаркое, испепеляющее лето я должен был все огурцы до последнего кустика поливать обильно, утром и вечером ежедневно. (15)Это значит, надо было поднять с глубины, в которой и воды-то не видать было, до ста вёдер, отнести их на гряды и разлить воду по лункам. (16)А в промежутках между утренним и вечерним поливом надо было очистить, отряхнуть все листья от пыли и грязи, чтобы она не мешала солнцу освещать листья и наливать огурцы соком. (17)И вот я таскал на своих цыплячьих косточках эти бесконечные вёдра и поливал эти бесконечные ряды огурцов.

(18)Бабка Анна хорошо знала не только агротехнику. (19)Ей была знакома и психология. (20)Горожане готовы были платить любые деньги за довоенную забытую невидаль, за сказочную роскошь — за огурцы, за воспоминание о своём счастливом прошлом. (21)И она это знала вперёд и сажала у себя на участке не картошку, не просо, не лук, не жито, которые нужны были голодным людям, как сама жизнь, — потому не сажала, что их снимешь один раз — и конец, а огурцы всё время идут волна за волной, был бы полив, а солнышка в Поволжье сколько хочешь! (22)И она увозила в город мешки огурцов и привозила из города мешки денег.

(23)А я таскал и таскал эти будто кирпичами нагруженные вёдра, рвал свои мышечки изо дня в день, из недели в неделю без выходных. (24)Правда, однажды дала она мне с какой-то радости жареных шкварок, целое блюдо (я чуть концы не отдал от этой непривычной пищи), и однажды разрешила в воскресенье на лодке сплавить на остров: отпустила нарвать и навялить сумку дикого луку нам с матерью на зиму.

(25)А ведь все эти тысячи рублей вырастали и устремлялись в её бездонные мешки не только из благодатной земли, но и из моего непосильного детского труда.

(26)Я видел, как самоотверженно работали от зари до зари колхозники: женщины, инвалиды, старики и подростки, — я видел, с каким радушием, с какой русской открытостью делились они всем, чем могли, с эвакуированными к ним горожанами. (27)А бабка Анна не упускала свой случай, она делала деньги...

(28)...А осенью я вернулся в город, мать устроила меня помощником наладчика на пошивочную фабрику, и я стал получать рабочую карточку и восемьсот граммов хлеба ежедневно. (29)И главное, очень сердечно относились ко мне швеи в цеху, они помогали сшивать вечно рвущиеся старые ремни на шкивах и не нервничали, когда я не умел сразу наладить включение заглухнувшего мотора. (30)Вот это были правильные люди!..

(31)Прошли с тех пор уже десятилетия, а я всё помню их доброту.

(По Ю. А. Андрееву*)

* Юрий Андреевич Андреев (1930–2009) — советский и русский прозаик, литературовед, публицист.

Из предложений 24–26 выпишите один фразеологизм.